

НАША СТРАНА

Год издания—53-й. Буэнос Айрес, суббота 20 января 2001

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sabado 20 de enero de 2001 N° 2631-2632

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

БЕСПРИМЕСНЫЕ

“Держатся беспримесные монархисты в аргентинской “Нашей Стране”...”

А. Солженицын

Во второй части своих “очерков изгнания” (“Угодило зёрнышко промеж двух жерновов”), доведенных до 1982 года, А. И. Солженицын свидетельствует, что на фоне “теперешнего рыхлого состояния русской эмиграции... тем стойчей, гордо додерживаются по многу лет — тоненькие белогвардейские журналы, “Часовой” Орехова, “Наши Вести” (бывшего Русского Корпуса в Югославии)...”

И добавляет: “Держатся беспримесные монархисты в аргентинской “Нашей Стране”, наивно ждут, что вослед большевикам вернется династия Романовых; слаб их голос, ибо знают, что слушает их узкий круг, лишь одних единомышленников, и вовсе нет мускулов”.

В эту одновременно жёсткую и уважливую характеристику вкралась неточность. Суждение сие записано за два года до того, как автор “Архипелага Гулаг” принял меня в Кавендише: после нескольких часов беседы, надо полагать, у него создалось более отчётливое впечатление о позиции редакции, всегда придерживавшейся мнения, что — после краха коммунизма — реставрации монархии должен предшествовать период очистительного национального авторитаризма, наподобие франковского.

Да, слушал нас узкий круг (хотя и не только единомышленников — газета посылала в Россию).

Да, наш голос был слаб. Впрочем и сейчас на иерихонские трубы никак не смахивает. И... “вовсе нет мускулов”? Пожалуй и в этом Нобелевский лауреат совершенно прав. Однако какими же тогда чудесами газета просуществовала еще 19 лет после столь суровой и, казалось бы, обезнаделяющей оценки?

Секрет нам открывает сам Солженицын. Он — в “беспримесности”. То есть в искании абсолютного добра (в данном случае — политического) — черте, многими мыслителями признанной основной, наиболее глубокой характера русского народа. Это искание и придает ту живучесть, ту силу, которая зиждется не на мускулах, не на голосистости, не на деньгах и не на внешнем успехе, а — на верности. На верности ценностям создавшим русское православное царство, Святую Русь. На верности именно беспримесной; сиречь не разменчивой, не развильчатой, не разжиделой никакими компромиссами.

Непример, скажем, Народно-Трудовому Союзу солидаристов, который, в тех же очерках, автор приговора так: “Когда зарождался, в 30-е годы — звался “национально-трудовой”, выдвигал русскую тему — но потом смутился и переименовался. Да ведь и денежную помощь искали... А потом еще стали искать “конструктивные силы” в руководящих кругах СССР”.

Мы же — не приспособленцы, и

исходим из понятия целого, которое ощущаем в себе и которое хотим восстановить в раздробленной вдребезги России.

И, оказывается, такая беспримесность, полнокровность, цельность может быть залогом не только чистой политической совести, но и политического долголетия. Диковинным образом, всем печатным смертям назло, “Наша Страна” вступила — без мускулов, но не без сил — в третье тысячелетие.

Татьяна Ивановна Концевич

Да и не обозначает ли “беспримесность” ту тягу к абсолютизации, тот извечный русский максимализм, которые выразил в бессмертных стихах А. К. Толстой?

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Коль монархист, так уж беспримесный...

“Беспримесность” вероятно служит также и верным признаком негибкости духа, как это например, наглядно показывает жизненный путь одной из ближайших сотрудниц нашей газеты, Татьяны Ивановны Концевич.

Вынужденная эмиграция — всегда несчастье. Как напоминает Солженицын, по-немецки, беда, бедствие, жалкое существование — и чужбина — охватываются одним словом: das Elend. Можно присовокупить, что немцы тоже употребляют выражение Sehnsucht: желание того, что отсутствует.

По гречески “возвращение” говорится **nostos**. А **algos** означает “страдание”. Таким образом, ностальгия это боль, причиненная неосуществимым желанием вернуться. По-испански **añorar** производное от латинского **ignorare**: не знать. Следовательно, изгнание это и “боль неведения”: моя страна далеко и я не знаю, что там происходит.

Как всем политическим эмигрантам, в молодости Татьяне Ивановне пришлось испытать мучительный отрыв от родины. Как многим, ей довелось перенести тяготы и опасности, постоянно скитаться, чередуя города и страны.

Но вот прожив полвека в Аргентине, она вынуждена вновь менять пристанище — и полушарие. И хотя уже совсем “не те” годы, отнюдь “не то” здоровье, ее всегдашнее присутствие духа помогло ей найти силы, чтобы сорваться с еще одного насиженного гнезда, и не сломаться.

В Аргентине Т. И. Концевич работала преподавательницей английского языка, заботясь одновременно о своей пожилой матери и воспитывая в духе служения Исторической России свою дочь; в чем блестяще преуспела, причем фактически, сама — муж, геолог по профессии, часто отлучался в длительные командировки. Наталья Николаевна Концевич-Ткачева, представительница “Нашей Страны” в городе Сан Франциско, несомненно является лучшей надеждой русской белой эмиграции.

На протяжении 29 лет, каждую субботу, Татьяна Ивановна преподавала в Свято-Сергиевской Епархиальной Школе буэносайресского пригорода Вижа Бажестер. В первые годы — родиноведение, а затем историю России, по учебнику, который она сама составила.

Причем, в последнее время, на ее долю выпала нелегкая задача: избавлять сознание детей из новоприбывших семейств от искаженных понятий об отечественной истории, привитых им в бывшем СССР. Надо сказать, что она не только достигала в этом успеха, но и попутно напрочь завоевывала сердца ребят.

За несколько дней до ее отъезда в США, администрация русской школы устроила Татьяне Ивановне проводы. В присутствии теперешних и бывших преподавателей, собравшихся в школьном зале, сотруднице “Нашей Страны” была выражена благодарность, и от имени дирекции и педагогического персонала преподнесен серебряный поднос с высеченной на нем надписью: “Дорогой Татьяне Ивановне Концевич на добрую память о многолетнем преподава-

нии и сотрудничестве в русской Свято-Сергиевской Епархиальной Школе в Аргентине”.

Едва-едва отдышавшись после новой ломки, Татьяна Ивановна возобновила свое сотрудничество в нашей газете. Ей, “беспримесной”, всегда особенно свойственно было защищать “неудобные” истины, даже если круг ее знакомых раздражала ее решимость плыть не по течению. Неизменно придерживаясь принципа *amicus Plato, sed magis amica veritas*, она, в частности,

всегда отстаивала правду Русского Освободительного Движения 1941-45 годов.

Знаменательно, что в том же очерке, где он пишет о беспримесных монархистах, Солженицын, капитан Красной Армии, подтверждает правоту одного из главных тезисов Т. И. Концевич: “Я отстаивал Россию на войне — а по сути в укрепление большевикам”.

Дожить до такого храбродушного свидетельства великого писателя, — явно, стало быть, считающего, что по

сути-то, во Вторую Мировую отстаивали Россию не красноармейцы, а корпусники Скородумова и Штейфона, добровольцы Власова и Туркула, казаки Краснова и Шкуро — с лихвой искупляет горести изгнания, издерганность скитальчества, сиротливость эмигрантщины. И не может не окрылить таких людей, как Татьяна Ивановна. Не может не укрепить “мускулы” духа всех нас, беспримесных монархистов.

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

ДАНИИЛ ПЕТРОВ

НАСЛЕДИЕ ИНКОВ

Аргентинская газета “Ла Насион” от 23 октября 2000 г., в статье Х. Рульона под заглавием “Язык кечуа вызывает интерес далеко от мест, где на нем говорят”, сообщает о пробуждении интереса к данному языку, который теперь изучают не только в странах Южной Америки, но и в США и даже в Израиле.

В частности, ему был посвящен конгресс в университете города Сантьяго дель Эстеро (Аргентина), при участии 2400 человек.

Все это вполне закономерно, поскольку это один из самых распространенных индейских языков мира, в отличие от других живой и не угрожаемый исчезновением. На нем говорят по меньшей мере в четырех государствах: в Перу, в Боливии, в Эквадоре и в Аргентине.

Помимо прочего, это язык могущественной некогда империи инков, имевшей высокую культуру и замечательное административное устройство. С нею, на пространствах Нового Света могла сравниться только империя ацтеков, расположенная в Мексике.

Но что представляет собою богатый и стройный агглютинативный язык кечуа? Каково его происхождение? Есть ли у него в мире родственники?

Такие вопросы ставил себе в прошлом веке выдающийся немецкий ученый, доктор Эрнест Миддендорф, в работе опубликованной в 1890 году в Лейпциге.

Он пытался сравнивать кечуа с различными языками Азии и пришел к пессимистическому заключению, что там нет никаких соответствий. Таковых он не обнаружил его словами “ни в китайском, ни в малайском, ни в арийском”.

Тут он однако не прав. В том числе относительно малайского, — что мы могли бы показать, но что оставим пока в стороне, — а главное относительно арийского, то есть индоевропейского.

Приведем некоторые примеры, — и пусть читатель судит сам.

Из области названий животных: кечуа *masu* “летучая мышь” — и индоевропейское имя

мышь, латинское *mus*, немецкое *Maus*, из корня *meu-* “двигаться”, “шевелиться”; кеч. *Иама* “лама” — нем. *Lamm*,

английское *lamb* “ягненок”; кеч. *vikuña* “вигонь” — лат. *vacca* “корова”; возможно и *huanaku* “гуанако” — лат. *bos* “бык” из

корня *guou-*.

Можно еще добавить *anka* “орел” — лат. *aquila* “орел” и *kuru* “гусеница” индоевропейский корень *kurm-* “червь”.

Возьмем ли мы другую область (хотя из этой еще много названий можно бы назвать!), мы столкнемся с не менее курьезными совпадениями.

Так, посмотрим на имена родства. “Отец” называется *taita* (и это, надо сказать, представлено обильно в других индейских языках, как нахуатль в Мексике и гуарани в Парагвае) — похожее не только на наше *тятя*, но и на санскритское *tatah*. “Мать”, конечно, *mama*; а другое индоевропейское, более полное имя — лат. *mater* — мы находим в *machu* “бабушка”. Слово “няня”, означающее и в русских диалектах “старшую сестру”, живет в *ñaña* “сестра”. Слово *kaka* “дядя” напоминает санскр. *kakkaḥ* и цыганское *kaka* “дядя”.

Не менее любопытны и термины для частей тела: *piru* “пуп”; *rukana* “палец”, сопоставимое с нашим *рука* по принципу *pars prototo*; впрочем, *рука* восходит к корню *renk-* “хватать”, “сгребать”; *kara* “кожа” — наше *кора* и лат. *corium* “толстая кожа”, “шкура”. М. б. связаны *quiru* “зуб” и лат. *cornu* “рог”. Кеч. *parpa* “крыло” напоминает наш глагол *парить*, в смысле летать (м. б. с неполным удвоением).

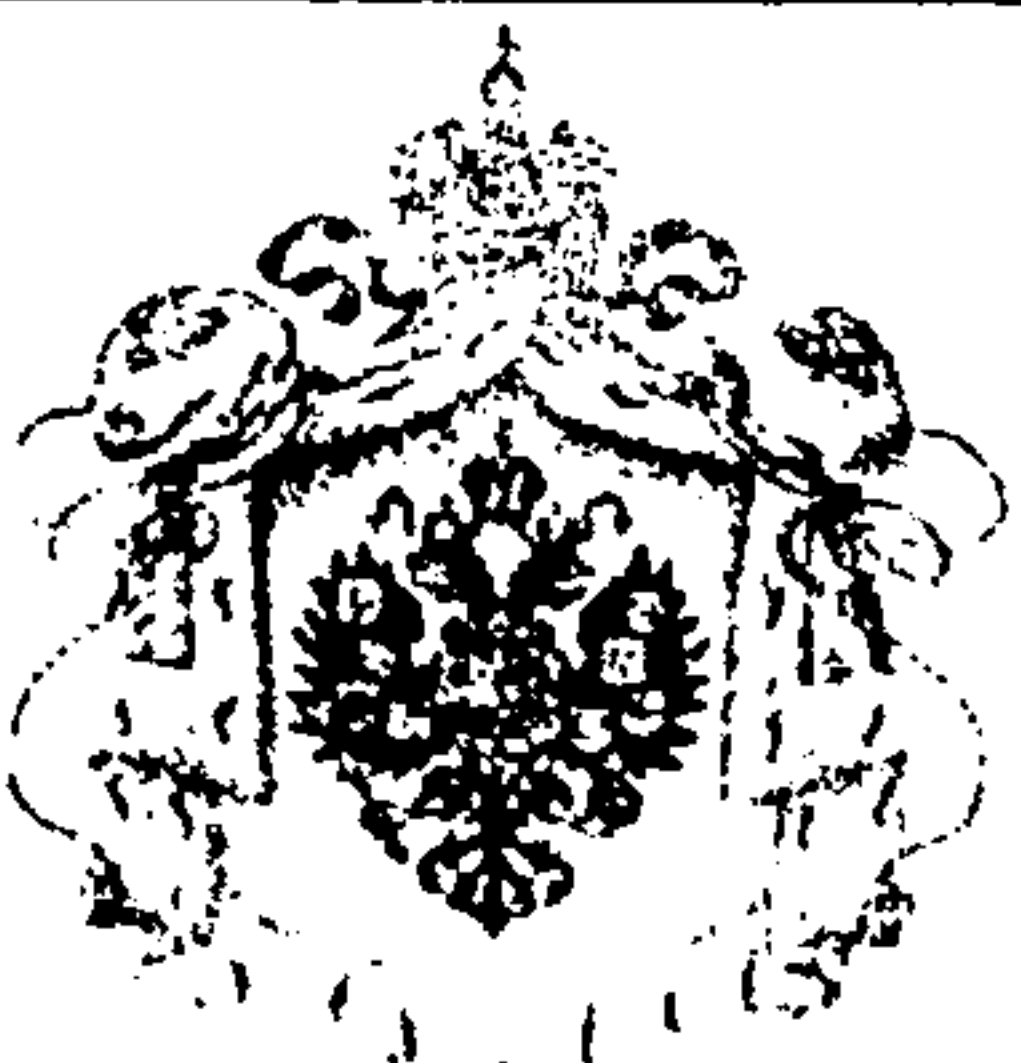
Среди глаголов отметим: *katay* “покрывать” — русское *кутать*; *nak'ay* “клеветать”, “проклинать” — лат. *posco* “вредить”; *tumpay* “обвинять” — лат. *temno* “презирать”.

Если мы учтем, что в кечуа нет звонких согласных, а только глухие, то понятны и *kilay* “блестеть”, и. е. корень *gel-* “блеск”.

С другой стороны, — заглянем в сферу числительных, — 10 по кечуански *chunka*, но в близко с ним родственном языке аймара *tunca*; что уже не очень далеко от лат. *decem*; *tahua* означает 4, но 4 есть 2+2 и 2x2, почему наводит на мысль о и. е. *duo* “два”.

Остановимся на этом, хотя примеры налицо без числа! Но вот, никто их до сих пор не замечал...

ДАНИИЛ ПЕТРОВ

ЮБИЛЕЙ КРЫМСКИХ МОНАРХИСТОВ

Десятилетие Таврического Общества Ревнителей Памяти Государя Императора Николая Второго отметили члены единственной монархической организации Крыма. Без какой-либо финансовой поддержки все эти годы они проводили просветительную работу среди населения полуострова, выступали по радио, принимали участие в создании телепрограмм, организовывали митинги и пикеты, занимались исследовательской деятельностью в республиканских архивах, раскрывая малоизвестные страницы пребывания Императора Николая Второго и Его Августейшей Семьи в Крыму.

Три года назад на бывшем доме Таврического губернатора в Симферополе, где в 1912 году останавливался и давал торжественный прием Царь-Мученик, крымскими ревнителями была открыта и освящена памятная доска.

“Несмотря на то, что Святость Государя признана уже и русской Православной Церковью Московского Патриархата, не все крымчане относятся должным образом к Памяти Св. Царя-Мученика. Поэтому мы не считаем работу Таврического Общества Ревнителей законченной, — считает его председатель Алексей Васильев. — В Крыму, где по-прежнему царит атмосфера коммунистического диктата и продолжается наступление на русских со стороны украинских властей и крымско-татарских националистов — не прекращаются выпады с целью очернить русскую историю, и в частности память последнего русского Государя. А это значит, что несмотря на определенные успехи в деятельности нашего Общества Ревнителей, мы не вправе почивать на лаврах. Время давать жесткий отпор врагам Царя, Веры и Отечества. Работа предстоит большая. И она будет продолжена”.

Попечительский Совет Таврического Общества Ревнителей Памяти Государя Императора Николая Второго.

С предложениями моральной и материальной поддержки и просто с дружеским словом можно обратиться по адресу Председателя Таврического Общества Ревнителей: Алексей Васильев а/я 1512, г. Симферополь, 95000. Или skipetr@mail.RU.

Д-р ЛЮДМИЛА ФОСТЕР

"КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ КРЕМЛЯ: БОРИС БЕРЕЗОВСКИЙ И РАЗГРАБЛЕНИЕ РОССИИ"

Вышедшая на английском языке под этим заглавием книга; сотрудника журнала "Форбс", Павла Хлебникова получила широкий отклик в США. И даже московская англоязычная газета "Moscow Times" поместила рецензию научного сотрудника фонда Джеймстаун, Джонаса Бернстайна (на мой взгляд — лучшую из всех). По всей вероятности, книга вскоре выйдет в русском переводе.

Хлебников, американец русского происхождения, свободно владеет русским языком. Он сказал в интервью "Новому Русскому Слову", что решил написать эту книгу после того, как Березовский подал на него в суд в Англии за клевету, якобы содержащуюся в статье опубликованной журналом "Форбс" в декабре 1996 года.

Основной тезис книги: беспрецедентное, сказочное обогащение незаконными путями узкого круга приближенных к властям — стало возможным при попустительстве властей. А затем богачи обрели политическое влияние. Березовский — апофеоз этого процесса. Содержание книги не ограничивается описанием походов Березовского: в ее десяти главах дается широкая панорама перестроечного беспредела в пост-советской России. Однако, с момента выхода книги произошло многое, что вполне могло бы составить 11-ю и 12-ю и еще последующие ее главы. Так что по отношению к "крестному отцу Кремля" вполне можно применить американское литературоведческое выражение: "с открытым концом".

Книга написана в стиле докторской диссертации — каждая цифра, каждая цитата указаны в сноске. Я бы даже сказала, что у нас в Гарварде не всякая диссертация была так хорошо документирована! И действительно, Хлебников имеет степень доктора наук по истории России, которую получил в знаменитой Лондонской Школе Экономики. Один лишь перекрестный индекс имени занимает 10 страниц убористого шрифта. Указатель источников содержит список интервью, проведенных автором преимущественно с россиянами; интервью из других публикаций, список цитируемых газет со всего мира, контрактных документов, отчетов, полицейских рапортов, записи подслушиваний частными фирмами — это занимает еще 20 страниц сносок. Кроме того,

"GODFATHER OF THE KREMLIN: BORIS BEREZOVSKY AND THE LOOTING OF RUSSIA".

By Paul Klebnikov. New York, Harcourt, 2000, 400 p.

вниманию читателя представляется список российских официальных лиц и участников событий, и наглядная схема "Империи Березовского".

Не могу не отметить любопытный журналистический подход к пресс-конференции Березовского в Вашингтоне 18 сентября (когда книга уже вышла). Там присутствовало много корреспондентов российских СМИ. Ни один из них не задал вопроса о книге и вообще ни одного "трудного" вопроса. Лишь когда Березовский сказал, что у русских "рабский менталитет", то корреспондент ТАСС попросил его уточнить сказанное. Позже, в своей статье в газете "Нью Йорк Таймс", Березовский три раза повторил свои слова о рабском менталитете русских. Он тоже высказал эту мысль в интервью Эльмару Гусейнову, напечатанном в "Новом Русском Слове" от 6-го ноября, заявив, что в России "накопился высокий потенциал рабства".

В некотором смысле основную идею книги Хлебникова повторил первый заместитель министра Внутренних Дел России Владимир Козлов: "... все мы в свое время очень сильно упустили момент приватизации... экономическое влияние переходит в политическое". ("Московские Новости" № 44, 7-13 ноября, 2000. Интервью взял редактор Виктор Лошак). Это политическое влияние растет после нового альянса Березовского и Гусинского (Газета. Ру, 17 ноября) с целью дискредитировать президента Путина и предотвратить его избрание на второй срок. Здесь и создание "Партии оппозиции", и передача акций ОРТ "творческой интеллигенции", и обвинения в авторитарных намерениях при укреплении вертикали власти, и намеки на антисемитизм Путина, и т. д.

"Я уверен, что многое упустил в этой документальной и устной истории эпохи Ельцина. Вполне вероятно, что другие авторы раскроют жизни моих героев в более откровенных подробностях", — пишет Хлебников в предисловии. И действительно, в России уже вышло, правда лишь в форме романа, описание деловых перипетий Березовского. "Большая пайка" Юлия Дубова имеет подзаголовки "Большие деньги, большая кровь, большая политика". В Вашингтоне ходят слухи, что автор сам работал (или до сих пор работает) в фирмах Березовского и хорошо знаком с фактами. Кстати, роман прекрасно написан.

Несомненно, рецензенты, да и читатели, найдут в книге упущения. Тем не менее она действительно является хроникой "Эпохи Ельцина". Она состав-

лена по тематическому принципу: каждая глава посвящена какой-либо одной сфере деятельности Березовского, но начинается с довольно подробного описания дел в данной отрасли. Так как первым бизнесом были магазины по продаже автомобилей — ЛогоВАЗ в мае 1989 года — то повествование ведется в более или менее хронологическом порядке, переходя от чисто коммерческой деятельности героя к его крупной игре на политической арене.

Книга начинается как **триллер** — с описания мафиозных разборок у магазина ЛогоВАЗ в июле 1993 года и общего бандитского положения в стране. В создании бандитской атмосферы в стране автор частично обвиняет введенный Горбачевым "сухой закон". Затем, возможности для криминальной деятельности были расширены реформами Гайдара, вызвавшими наращивание денежной массы (так называемого "денежного навеса") у населения и гиперинфляцию. Хлебников жалеет, что не был принят план Шаталина-Явлинского "500 дней". С этой оценкой многие и в России и на Западе не согласны. Мне лично непонятно, почему автор придерживается высокого мнения о Явлинском и везде называет его "либеральным" экономистом или депутатом. Явлинский тоже совершал довольно странные поступки. Упомянем его соглашение с вашингтонским бизнесменом О. Рой Чоком в 1989-1990 годы о получении пяти миллиардов долларов от американского правительства (которое, правда, так и осталось на бумаге).

Автор не причисляет Березовского к деятелям комсомола, получившим фонды КПСС или КГБ для создания коммерческих структур. Многие из этих комсомольцев стали впоследствии так называемыми "олигархами". При Горбачеве, по мнению автора, их финансировали партия и КГБ, которые также внедряли своих людей в преступные группировки для того, чтобы потом контролировать все эти "структуры". Однако, эти люди вскоре вышли из-под контроля, считает автор. Здесь, на мой взгляд, автор приводит недостаточно аргументов, объясняющих **почему** были выбраны именно Ходорковский, Потанин, Смоленский и пр., а не кто другой с такими же ограниченными познаниями в предпринимательстве? Тот же вопрос уместен и при анализе назначений в правительстве Ельцина.

Борис Абрамович Березовский пришел в бизнес самостоятельно, через свои рабочие контакты с АвтоВАЗом. Договор был о поставке автогиганту

компьютерных программ по управлению. Однако, вскоре сотрудничество перешло из научной в чисто коммерческую сферу. Как считает автор, этому способствовали два важных события: 1) Березовский ознакомился с методами американского предпринимателя Марка Рича по утечке капитала из России через цепочку подставных компаний, и 2) он понял, что успех в бизнесе зависит от покровительства власти. В начале 1991 года Березовский отправился в Швейцарию и установил контакт с финансовой фирмой Андрэ. А 6 сентября 1991 года ЛогоВАЗ получил от нового министра Внешней Торговли Авена лицензию на экспорт автомобилей. В феврале 1992 года была создана фирма Форус — совместное предприятие ЛогоВАЗа, АвтоВАЗа и Андрэ, а позже и другие подобные фирмы — Андава, АФК, ФОК. Все они занимались предоставлением финансовых услуг (бытует мнение, не всеми разделяемое в Вашингтоне, что название Форус есть ни что иное, как For us, то есть "для нас").

Реформа Гайдара, освободившая цены, пишет Хлебников, предоставила иным лицам возможности для обогащения, а отказ от государственной монополии на внешнюю торговлю широко открыл шлюзы для обогащения "в особо крупных размерах". Обнищание народа никого не волновало. Надеюсь, что новый экономический советник президента Ельцина Ясин возьмется за исправление ошибок Гайдара, Хлебников задал ему вопрос об этом в январе 1993 года. Ясин же сказал, что россияне должны затянуть пояса и снизить жизненный стандарт, пока инфляция не уничтожит "денежный навес" у населения.

Тем временем, ЛогоВАЗ богател, так как ему уступали автомобили ниже себестоимости их производства, а сам АвтоВАЗ хирел, влезал в долги и задерживал зарплату своим рабочим.

Приватизацию Чубайса, начатую в 1993 году, автор также считает полным провалом. По его мнению, ее нужно было проводить до свободного отпуска цен, и начать следовало с мелких предприятий, а не с сырьевых гигантов и крупной промышленности. Кроме того, все это распродавалось по чрезмерно заниженным ценам (в 1997 году реальная рыночная цена приватизированных предприятий была в 20 раз выше), в результате чего правительство потеряло источники дохода. Общая утечка капитала из России составляла 15-20 миллиардов долларов в

год.

Участие Березовского в этом этапе приватизации было минимальным, однако он усвоил важную истину, а именно разницу между контролем финансовых потоков предприятия и приобретением его в собственность. Автор называет этот процесс “виртуальной приватизацией”. Березовский не создавал **новых** предприятий (кроме ЛогоВАЗа), не инвестировал в них, и был не таким уж блестящим управленцем, подчеркивает автор.

Сделав вывод, что капитал контролируют правительства во всем мире, а правительства должны представлять интересы бизнеса, Березовский решает максимально приблизиться к верхушке власти. Редактор “Огонька” Юмашев представляет его президенту Ельцину как будущего издателя его книги. К тому времени Березовский владел 50 % акций “Огонька”, который и издал книгу, а Ельцину ежемесячно выплачивал гонорары. (К сожалению, Хлебников не приводит подробности того, как Березовский приобрел разные газеты и журналы, и даже не упоминает скандала с покупкой “Коммерсанта”).

В это время появляются различные финансовые “пирамиды” — МММ, Властелина и им подобные, а Березовский создает свою АВВу в октябре 1993 года. Он собрал вкладов на 50 миллионов долларов под этот проект, однако через год стало ясно, что АВВА — призрак.

В пятой главе Хлебников обсуждает приобретение Березовским Первого телеканала благодаря сделке с рекламной фирмой Лисовского в начале 1995 года. Автор подчеркивает разницу между двумя хозяевами телестанций: Гусинский создал НТВ, а Березовский получил контроль над уже существующим каналом.

Самым наглядным примером разницы между “контролем” и “обладанием” предприятием Хлебников считает “Дело Аэрофлота”. Березовский лично сказал ему в интервью в сентябре 1996 года, что он видит в российской приватизации три стадии: 1) приватизация доходов предприятия, что ведет к “первоначальному накоплению капитала”, 2) приватизация имущества, и 3) приватизация долгов. Не обязательно владеть предприятием; важно контролировать его финансовые потоки. Эту формулу Березовский применит впоследствии к Сибнефти и Русскому Алюминию.

Когда начались залоговые аукционы (“займы — за акции”), Березовский и Абрамович приобрели в декабре 1995 года контрольный пакет Сибнефти за 103 миллиона долларов, а на 1 августа 1997 года эта компания оценивалась почти в 5 миллиардов. Подобная раскладка была и с другими “приватизированными” предприя-

тиями; в книге приводится таблица цен. Кстати, Хлебников замечает, что о создании этой финансовой схемы “займы-за-акции” (на мой взгляд — самоубийственной для российского государства) ему говорил еще в 1995 году Борис Иордан, русский американец, который близко сотрудничает с Потаниным в банковском бизнесе.

С приближением президентских выборов Березовский полностью переходит в политику. Параллельно официальной избирательной кампании, он организует избирательный штаб из 13 ведущих бизнесменов. Деньги текут рекой со всей страны и, хотя российский закон ограничивает расходы на кампанию в три миллиона долларов, согласно оценке Вашингтонского Центра Стратегических Исследований, “предвыборным штабом” Ельцина было израсходовано два миллиарда. Березовскому принадлежала также идея привлечь генерала Лебедева для увода голосов от Зюганова.

Когда после выборов Ельцин отключился от текущих дел на восемь месяцев, Березовский вошел в правительство, став 17 октября 1996 года (через две недели после изгнания оттуда генерала Лебедева) заместителем секретаря Совета Безопасности. Хлебников считает, что главной причиной этого шага было стремление Березовского скрыть свою финансовую деятельность в Чечне. Примечательно, что он продолжал участвовать в бизнесе, занимая должность в правительстве. В Америке за это сразу же увольняют со скандалом, но Березовский еще и пытался получить назначение на пост председателя совета директоров Газпрома. Только лишь скандал с приватизацией Связьинвеста вынудил Ельцина освободить его от должности 5 ноября 1997. Последовали и другие неудачи — с приватизацией Роснефти и со слиянием Сибнефти с Юко-

сом Ходорковского.

После начавшейся политической чехарды с премьер-министрами, Березовский вновь попадает на государственную службу в апреле 1998 года, хотя его газеты активно выступают против премьер-министра Кириенко. В то же время началась и финансовая чехарда с ГКО. По поводу крушения этой “пирамиды” Хлебников пишет, что в этом никак нельзя винить иностранные банки, так как ГКО продавались российским банкам; они же, зарабатывая колоссальные проценты, почти ничего не возвращали в российскую экономику, а правительство уже давно было лишено доходов от внешней торговли. Пришлось “кинуть” МВФ на новый заем. Первый взнос, около пяти миллиардов долларов, исчез через несколько дней, — пишет Хлебников. Банки с солидными связями получили крупные суммы. Добавлю от себя: в Вашингтоне было широко известно, что СБС-Агро, в котором Березовский имел 25 % акций, получил в конце июля 110 миллионов долларов на “реорганизацию” и чуть ли не на следующий день Смоленский перевел эти деньги в свой банк в Вене (Райффайзенбанк), а российские вкладчики остались ни с чем.

Когда 10 сентября премьер-министром был назначен Примаков, он всерьез взялся за искоренение коррупции и “бандитского капитализма”.

Генеральный прокурор Скуратов открыл дела также на 780 правительственных чиновников. На расследование дел олигархов откликнулись в Швейцарии, Америке и других странах, и они продолжают по сей день. Второго апреля 1999 года Березовского удалили из секретариата СНГ, несмотря на заступничество Степашина, возглавлявшего тогда ФСБ. Вскоре были сняты и Примаков, и сам Степашин, и Скуратов. Хлебников считает, что

карьеру Скуратова разрушил Путин, который тогда возглавлял ФСБ.

Березовский долго не унывал, и уже осенью 1999 года действовал опять в двух направлениях: готовился захватить контроль над тремя крупнейшими алюминиевыми компаниями, и баллотировался в Думу. Алюминиевое дело также все еще остается незакрытым, а отказавшись от депутатского мандата (известно что сделал для своего округа), Березовский открыл новую страницу в своей политической деятельности: “конструктивную оппозицию” президенту Путину и борьбу за власть над ОПТ. Не закрыты также иск Министерства Юстиции США к Гарварду, Андрею Шляйферу и Джонатану Хейсу по причине нецелевого расходования помощи России правительством Ельцина, расследования швейцарскими правоохранительными органами местных фирм Березовского, и т. д.

Хочу добавить еще одно наблюдение: автор хорошо отвечает на утверждения российских бизнесменов о “первоначальном накоплении капитала” — так, мол, было и в Америке — ставшие уже общими местами. Однако он не подчеркивает, что американские промышленные “первопроходцы” строили свои дома в Америке, а не приобретали шикарные виллы на Лазурном берегу или в Лондоне. И все без исключения занимались благотворительностью в своей стране. Ведь почти в каждом городе есть Библиотека Карнеги, есть концертный зал Карнеги Холл в Нью Йорке; существуют Фонд Рокфеллера, Фонд Форда, и т. д. — все созданы ими на благо Америки.

Факты, изложенные в книге, Хлебников прекрасно суммирует в эпилоге. “Самое пагубное наследие Березовского — пишет он — заключается в том, что он взял в полон государство для собственного обогащения. В других странах влиятельные бизнесмены лоббируют правительство, чтобы продвигать свои интересы. Березовский же захватил контроль над людьми, которые управляли государством и принудил государство кормить свою бизнес-империю. Он, и другие приближенные к власти капиталисты, ничего не сделали ни для российских потребителей, ни для российской промышленности, ни для казны России. Не было создано никакого нового богатства”.

“Эпоху Ельцина” Хлебников считает почти сплошным провалом: “Для русского народа это было самое большое несчастье (в экономическом, социальном и демографическом аспекте) со времени нацистского вторжения в 1941 году”.

Д-р ЛЮДМИЛА ФОСТЕР

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

АНТИБОЛЬШЕВИЦКАЯ ПЕСНЯ

“Две песни власовцев”, о которых говорит Е. Веденева в “НС” 2607-08, быть может одна и та же, судя по ритму напева? Она пелась во всех юношеских эмигрантских организациях (витязей, разведчиков, скаутов), задолго до Второй Мировой войны. Следовательно, эта песня принадлежит эпохе Белого Движения.

Существует и иной вариант, чем тот, который был в газете приведен:

**В нас кровь отцов-богатырей
И дело наше право.
Сумеем честь мы отстоять
Иль умереть со славой.**

**Не плачьте матери-отцы,
Крепитесь жены, дети:
На благо родины своей,
Забудем всё на свете!..**

**Господь за нас, мы победим!
Да здравствует Россия!**

Можно подумать, что эта песня была введена в РОА через офицеров-эмигрантов, которые видели борьбу с большевизмом в рядах армии генерала Власова, как продолжение Белой Борьбы. А может быть эта песня была взята руководством РОА из песенников эмигрантских патриотических молодежных организаций?

К. ВЕЛЬЯМИНОВ

МЕДЛЕННОЕ ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Первое впечатление от этой книги — К. Чуковский. «Дневник 1930-1969» (Москва, 1997), — сильное разочарование.

Автор с восторгом, с энтузиазмом говорит о колхозах; считает идиотами народников, желавших улучшить жизнь крестьян как единоличников.

Ну, допустим, Чуковский был городской интеллигент, никак не связанный с деревней. Все же глупость его высказываний поражает.

При посещении колхоза, — татарского, в Крыму, — ему руководители объясняют, что де люди работают вяло, не так, как на своей земле. Но это его мало впечатляет.

А вот настоящий мужичек, извозчик, ему трезво и сжато выражает, на вопрос, свое мнение: «Колхозы — молхозы...»

Не глубже на писателя действует и рассказ парикмахера, вырвавшегося с голодающей Украины: «У нас там истребление человечества!»

Лишь постепенно начинает Чуковский замечать «приказ думать» так, а не иначе, исходящий от правительства и обязательный для интеллигенции в целом.

Собственные его дела, — чего мы, за рубежом, себе не очень ясно представляли, — долгое время были катастрофическими: нужда, чуть ли не голод...

А гнет не слабел, скорее рос. Не только преследовали жанр сказки вообще, но его лучшая вещь, «Крокодил», долго находилась под запретом. Под нелепыми предлогами: «Зачем Петроград, а не Ленинград? Зачем упоминается городовой?» В конце же концов запретили уже вполне резонно: описание зоологического сада, где мучаются звери, слишком походило

на быт концлагерей.

Когда вокруг террор начинает косить его друзей и тех политических деятелей которым он симпатизирует, — в голове у него мало по малу проясняется. Погибли Пильняк, Кольцов, Мирский, Табидзе, Квитко, Косарев... Очевидно, советская власть не так уж хороша как ему мнилось...

О расстреле мужа его дочери, Чуковский упоминает вскользь, в двух словах: «Лидина трагедия».

И, несмотря ни на что, в гораздо более поздние годы, он не задумывается утверждать: «Впервые **всякому** стало отчетливо ясно что воля истории за нас». Можно ли быть настолько слепым!

И однако, автор «Крокодила» прошел уже долгий путь; повернуться назад было бы трудно. По случаю самоубийства Фадеева, он комментирует: «Вся брехня сталинской эпохи, все ее идиотские зверства, весь ее страшный бюрократизм, вся ее растреленность и казенность находили в нем свое послушное орудие».

Но вдруг, рядом, читаем безобразную фразу, относящуюся к роману Пастернака «Доктор Живаго»: «Белогвардейцам только это и нужно».

Клубок противоречий... Если сознавать сколь ужасна была сталинская эпоха, помнить о ее жертвах, о собственных от нее страданиях, — откуда же сия тулая ненависть к российскому Зарубежью? Логика тут и не почевала; кричат эмоции, — и глубоко неразумные!

Впрочем, выпишем еще ниже следующие его наблюдения:

«Откуда-то появилась у меня на столе ужасная книга: Иванов-Разумник «Тюрьмы и ссылки» —

страшный обвинительный акт против Сталина, Ежова и их подручных: поход против интеллигенции. Вся эта мразь хотела искоренить интеллигенцию, ненавидела всех **самостоятельно думающих**, не понимая, что интеллигенция сильнее их всех, ибо если из миллиона ими замученных из их лап ускользает, **один**, этот один проклянет их навеки веков, и его приговор, будет признан всем человечеством».

Или, когда его на лекции спросили: «Отчего застрелился Маяковский?» — «Я хотел ответить, а почему Вас не интересует, почему повесился Есенин, почему повесилась Цветаева, почему застрелился Фадеев, почему бросился в Неву Добычин, почему погиб Мандельштам, почему расстрелян Гумилев, почему раздавлен Зоценко, но к счастью воздержался».

«Больно к концу жизни видеть, что все мечты Белинских, Герценов, Чернышевских, Некрасовых, бесчисленных народовольцев, социал-демократов и т. д., и т. д. обмануты — и тот социальный рай, ради которого они готовы были умереть, — оказался разгулом бесправия и полицейщины».

Во всяком случае, многое можно Чуковскому простить за такие мысли, уже в последние годы жизни, в 1967 году:

«Замучен корректурами 5-го тома своих сочинений — где особенно омерзительны мне статьи о Слепцове. Причем я исхожу в этих статьях из мне опостылевшей формулировки, что революция — это хорошо, а мирный прогресс — плохо. Теперь последние 40 лет окончательно убедили меня, что революционные идеи были пагубны».

Давно бы так!

К числу наиболее ценных страниц «Дневника» надо отнести зафиксированные в нем высказывания подсоветских писателей друг о друге. Приведем (будучи ограничены размерами статьи) одно — Тынянова об А. Н. Толстом, в связи с «Петром Первым»:

«Так как у нас вообще не читают Мордовцева, Всева, Соловьева, Салиаса, то вот успех Ал. Толстого. Толстой пробовал несколько желтых жанров. Он попробовал желтую фантастику («Гиперболоид инженера Гарина») провалился. Он попробовал желтый авантюрный роман («Ибикус») — провалился. Он попробовал желтый исторический роман — и тут преуспел — гений!»

Относительно общей культурности Чуковского, придется ее несколько переоценить. Он, видимо, знал только один иностранный язык — английский; а ведь настоящая русская интеллигенция как правило знала минимум три.

Да и чувство вкуса нередко ему изменяет: читаешь не без удивления его презрительные отзывы о Конан Дойле и об Агате Кристи, и одобрительные о смертельно скучных Троллопе и Джэйн Остин. Сказывается наследие Чехова и шестидесятников.

А вот о Фолькнере согласимся с его отзывом: «Противный писатель!»

Исключительное значение имеют составленные Е. Чуковской примечания к запискам ее деда: десятки страниц имен людей, помянутых в «Дневнике» с уточнениями, на каждом шагу: «расстрелян», «умер в заключении», «покончил с собою».

Подлинно, мартиролог! И какой жуткий...

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

АЛЕКСАНДР МЕЗЕНЦЕВ (Владикавказ)

СЛОВАЦКИЕ ПАТРИОТЫ

Династия Романовых очень популярна среди историков Словакии. Так, единственный в этой стране патриотический военно-исторический клуб носит название «Второй Пехотный Братиславский Полк Александра Первого, Русского Царя, Императорской Королевской Армии». Это объединение стало организатором реконструкции битвы австрийской армии с французами в 1809 году при Прешварке (Пресбурге, — так раньше называлась Братислава), приняв в июле 1999 года членов военно-исторических клубов из Чехии, Венгрии, Австрии, Германии, Франции и ряда других стран.

В 1814 году, наблюдая за одним из сражений союзных войск против наполеоновской армии, Император Александр Первый заметил, как умело, храбро и отлично действовали на поле боя словацкие пехо-

тинцы (тогда еще, конечно, не в национальной, а в австрийской униформе)! Царь попросил разрешения у находившегося рядом австрийского Государя Франца (Франтишека) Первого стать титулярным шефом Братиславского Полка, что было незамедлительно исполнено — при полном одобрении словацких солдат и офицеров, традиционно питавших самые теплые чувства к великому единокровному славянскому соседу на Востоке. Полк долгие годы сохранял в названии имя своего русского шефа, и вот опять возродился в 1993 году усилиями национально и общеславянски настроенных активистов.

«Это очень красивый опыт», — говорит в интервью русской службе Словацкого Радио пан Мирослав, один из командиров Полка, и добавляет: «Мы следуем традициям своих

европейских (в том числе российских) коллег и единомышленников и активно сотрудничаем с иностранными друзьями. Надеемся, в Словакии будут вскоре и другие военно-исторические клубы, подобные нашему».

Не следует ли белым военно-историческим организациям в России наладить взаимодействие со словацкими коллегами?.. Можно добавить, что словацкие воины не разочаровали венценосного брата Императора Александра Первого, когда в 1848-1849 гг. плечом к плечу с нашими солдатами Паскевича, хорватским войском Елачича и сербским — Стратимировича — сражались против революции и за общеславянские ценности.

В нынешней Словакии патриотические силы представлены оппозиционным антинаатовским альянсом в

парламенте из Словацкой Национальной Партии (Ян Слота, Анна Маликова) и Движения за Демократическую Словакию (Владимир Мечьяр); Словацким Национальным Единством (объединяет твердых идейных последователей казненного в 1947 году большевиками кардинала Йозефа Тисо — первого президента независимой Словакии (1939-1945), благородного человека, известного своими пророссийскими симпатиями); Всемирным Конгрессом Словаков (один из лидеров ВКС — Мариан Штястны, известный в прошлом хоккеист, звезда НХЛ, открыто исповедывал вместе с братьями национальные убеждения, играя еще за сборную социалистической Чехословакии), и, конечно же, знаменитой Матицей Словацкой.

АЛЕКСАНДР МЕЗЕНЦЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ДЕНЬ НЕПРИМИРИМОСТИ

Нам пишут из Москвы:

Под лозунгом "Долой наследие Ленина!" седьмого ноября состоялся марш русских антикоммунистов по маршруту: Новый Арбат — Никитинский Бульвар — Тверской Бульвар — Пушкинская Площадь.

Марш был организован Движением "За Веру и Отечество" совместно с Движением "Русское Действие" и партией "Национальный Фронт".

РЕАКЦИЯ НА ПУТИНЦИНУ

Нам пишут из Нью Джерси:

Очередной номер выходящего здесь бюллетеня "Имперец" почти полностью посвящен протестам против возрожденной В. Путиным большевицкой символики. Начальник Российского Имперского Союза Ордена Г. А. Федоров назвал это "зловещим препятствием для восстановления исторического развития Российской Державы".

Начальник Центрального Округа этой организации Г. Н. Шимко-Юшкова, отметил, что "бредовое желание взять все хорошее, что было в СССР и бережно перенести это в новую Россию" на практике является полной химерой. По сути, при советской власти хорошего не было ничего... Обращаясь к коммунистам, имперский руководитель написал: "Вы, уничтожившие в лагерях, ссылках, заморившие голодом и непосильным трудом 100 миллионов россиян: сталинский гимн — это конечно ваш гимн. Так пойте и пляшите под ваш гимн, а мы не встанем".

Бюллетень опубликовал заявление Движения "За Веру и Отечество" указавшее, что принятие большевицкого гимна "для нас, русских монархистов не означает ничего принципиально нового. Ибо уже не один год мы безуспешно пытались объяснить измученной России, что под видом "демократического", "либерального" и прочего строя в нашей стране продолжает править тоталитарный большевицкий режим. Для нас, неоднократно получавших из Генеральной Прокуратуры и Верховного Суда стандартные отписки с отказом перестать, наконец, считать преступниками адмирала А. В. Колчака, атаманов П. Н. Краснова, А. Г. Шкуро, Г. М. Семенова, барона Р. Ф. Унгерна-Штернберга был ясен такой исход. Могло ли быть иначе, если на бланках с гордым имперским двуглавым орлом мы неоднократно читали, что "государственный преступник" П. Н. Краснов "клеветал на колхозный строй", другой не менее опасный "преступник" Г. М. Семенов летом 1917 года

предлагал "арестовать и расстрелять Ленина и членов Петроградского Совета, а "негодяй" Унгерн "боролся с советской властью за восстановление монархии"?!"

"Имперец" также обратил внимание на следующую фразу в заявлении В. Путина: "Российскую Империю в свое время — и не без основания, хочу подчеркнуть — называли тюрьмой народов".

10 ЛЕТ СПУСТЯ

Нам пишут из Москвы:

Журнал "Огонек" опубликовал принадлежащий перу Дмитрия Быкова анализ основных предложений А. И. Солженицына сформулированных в вышедшей 10 лет назад работе "Как нам обустроить Россию".

Автору статьи "совершенно очевидно, что власть — по Солженицыну — должна принадлежать мудрым. К государственному управлению следует как можно шире привлекать не просто интеллигенцию, а интеллигенцию подлинную, закаленную в борьбе, не запятнанную ложью, читавшую Ильина с Бердяевым. И здесь-то выплыло главное заблуждение Солженицына, главная беда его долгого отрыва от родины: он полагал, что этот слой, способный консолидировать власть, в России есть. Что такой совет старшин может быть сформирован: как же — ведь есть Можжев, Солоухин, Говорухин, Распутин, хоть бы и Искандер. Но ... пока Солженицын был в изгнании, обстоятельства изменились. Кое-кто умер, кто-то разехался, кто-то постарел... Оставался без ответа главный вопрос: кому возродить Россию? А одному ему, конечно, никак не сдюжить. Почти в одиночку своротил гигантскую советскую систему "Архипелагом", но выстроить в одиночку новую Россию, хотя бы и по тихомирковским или столыпинским лекалам, не под силу и самому большому писателю".

Д. Быков отмечает, что "в главной части своей книги Солженицын делает все возможное, чтобы мягко, осторожно, с беспрерывными оговорками (по тем временам совершенно обязательными, ибо демократура брала свое) убедить читателя: демократия России не очень-то и нужна... совсем не нужна... вредна!"

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

БЕССМЫСЛЕННАЯ ТЯЖБА

В "Нашей Стране" 2615-16 напечатано, что Всемирный Еврейский Конгресс начинает тяжбу о возвращении собственности, принадлежавшей еврейским общинам в России до революции, когда в Российской Империи проживало 5 миллионов евреев.

Демократия бывает разная, от партийных списков один вред, демократия уместна только внизу, в провинции, на нижних этапах власти... Солженицын не любит демократию с тех самых времен, как очутился в ее ловушке — на Западе. Успели при ней пожить и мы — и трудно не согласиться с тем, что демократия как таковая обернулась для России хаосом и апофеозом воровства".

КЛУБ "САМОДЕРЖАВИЕ"

Нам пишут из Томска:

Здесь создано православно-монархическое объединение "Самодержавие". До лета 1999 года в Томске особенно активно занимались монархической работой Г. В. Пискунов и А. Н. Шубабко. Освободившись из заключения в 1995 году А. Н. Шубабко наладил издание монархической газеты "Честь и Верность". Однако он на свободе оставался лишь три с половиной года. Находясь в заключении А. Н. Шубабко возобновил выпуск газеты в рукописном варианте.

Пропагандная работа, проводимая Шубабко и Пискуновым дала в итоге свои результаты. В июне 1999 состоялась конференция сторонников монархической идеи, на которой было решено учредить политический клуб "Самодержавие". Ныне эту организацию возглавляет П. И. Марченко. Она быстро разрослась до нескольких десятков членов, имеет разветвленную структуру управления и подчинена строгим уставным требованиям. Одним из подразделений организации является "Каппелевский полк", под командованием отставного майора А. В. Сафронова.

При нем создается посвященный памяти белого генерала В. О. Каппеля музей. Томские "каппелевцы" обращаются за помощью к белой эмиграции в деле сбора материала для этого музея. Писать можно по адресу: 636 106 Томская область, п. Светлый 10,41. Пискунову, Г. В. Каппелевцы издадут газету "Русское Слово".

"БЕЛЫЙ ЛИСТОК"

Нам пишут из Ланарка:

В. Ф. Царев написал в выходящем в этом канадском городе "Белом Листке", что аудитория редактируемого Г. М. Моисеевым

печатного органа исчисляется "буквально тысячами: солдаты, моряки и офицеры; старшие военачальники, духовенство, казаки, русская национальная интеллигенция. А там где есть тысячи — будут миллионы, когда настанет час "Ч".

"Белый Листок" выходит с подзаголовком "Памяти Часового" "

Автор статьи затем написал, что "Белый Листок" — "Это чувство локтя русского офицера и солдата; это весточка русскому православному пастырю; это памятка строителю русской державы; это предупреждение казнокраду и вору у власти: "не спрячешься!"; это русская державно-созидательная идея — белая идея".

"РОМАНОВЫ"

Нам пишут из Москвы:

Режиссер Глеб Панфилов разрешил показать свою картину "Романовы" на открытии Московского Кинофестиваля, чтобы проверить свою работу на публике.

После этого он сократил ленту на 20 минут, переключил конец и включил хроникальные кадры канонизации Царской Семьи, произведенной Московской Патриархией.

МОНАРХИСТЫ О ЖУКОВЕ

Нам пишут из Москвы:

"Двуглавый Орел", орган Всероссийского Монархического Центра отметил, что "советские патриоты", официальные ветераны и историки, а также публика, которая имеет наглость называть себя русскими националистами, почвенниками и даже православными лепят из красного палача и верного соратника упыря и бандюги Сталина, маршала Жукова, образ современного Суворова. Апофеозом этого бесстыдного восхваления и возмутительного обмана стало учреждение "ордена маршала Жукова" (безбожника, предателя Императорской России, участника революции и бойца чуждой России Красной Армии, — изобразили на кресте!) и установки у здания Исторического Музея в Москве памятника отлитого "православствующим" большевиком скульптором В. М. Клыковым".

Журнал выразил веру в то, что "великая родина возродится и восстанет из пепла; возродится и Русская Армия, которая вновь станет Христоробивым Воинством, вернуться старые, испытанные веками нашей славной истории традиции. А красный флаг, ныне используемый в войсках и являющегося позором для нашего народа будет вышвырнут на свалку истории. Туда же будет выкинута память и о красном палаче миллионов людей коммунисте Жукове. Да исчезнет имя его в пыли истории".

Е. Кармазин (Франция)